

СОХРАНЕНИЯ ТАЛАНТА

Представим себе петербургскую весну, самый конец марта 1882 года. В концерте Бесплатной музыкальной школы под управлением Балакирева исполняется Первая симфония никому неведомого Глазунова. Успех сочинения отражается в лицах слушателей, теплых и просветленных. Улыбками удивления встречает публика появляющегося под ее аплодисменты шестнадцатилетнего мальчика в мундирчике реалиста. ...Саша Глазунов, ученик шестого класса Петербургского второго реального училища.

«Чего тут необычного?» — возразите вы и вспомните другого мальчика — Вольфганга Моцарта, сочинявшего музыку с пяти лет.

Моцарт, конечно, есть Моцарт. История не знает другого примера столь мощного и разностороннего расцвета музыкального гения в раннем возрасте. Но ведь и Александр Константинович Глазунов, выросший в доме, где всегда звучало много музыки, еще совсем малым ребенком, проснувшись, бывало, ночью восстанавливал до малейших подробностей то, что слышал раньше.

Родился он 10 августа 1865 года в очень музыкальной семье петербургского издателя К. Глазунова. Можно вообразить, какие сильные впечатления произвели на одаренного отрока Глазуновых уроки Балакирева, которые тот стал давать его мамушке, горячо любившей музыку и посвящавшей музицированию много часов.

Познакомившись с Сашей Глазуновым, Балакирев сразу же увидел в нем талант: «...Мальчик очень способный, — спешит сообщить он Римскому-Корсакову, — и чрезвычайно интересуется оркестровой музыкой, и все пишет партитуры».

Обронил однажды Горький важную для нашего разговора фразу: «Искусство действует как солнце, оно возбуждает энергию». В свое время солнечную энергию творчества передал маленькому Милю Балакиреву нижегородский музыкальный критик А. Улыбышев, чья книга о Моцарте сделала его имя известным в музыкальных кругах Европы.

«Какой-то там музыкальный критик!» — говорите вы. Но, во-первых, ведь все-таки критик, умеющий отличить и, наверное, не только в музыкальном творчестве, где самородное сияние алмаза, а где отраженный блеск простого стекла. Ведь долю той же солнечной энергии искусства получил от Улыбышева и будущий титан русской критики Добролюбов. Не повстречай он в детстве этого милого, умного человека, до крайности преданного идеям добра и красоты, неизвестно еще, какими дорогами пошла бы его жизнь.

Конечно, Добролюбову (как Балакиреву и Глазунову) талант был присущ изначально, а все остальное (и педагоги в том числе) играло лишь роль шлифовщика таланта.

Вот о педагогике шлифования таланта и речь. Убедившись в редкостном даре мальчонки Глазуновых, Балакирев посоветовал родителям пригласить в учителя еще и Римского-Корсакова.

Со временем ученик по части чувствования оркестра превзошел своих учителей. Скромный и застенчивый по природе, юноша-композитор не уступал ни на вершок Балакиреву, коль дело касалось инструментовки. Красота оркестрово-

го звучания была для него одним из высших качеств музыки, и он не терпел здесь никакого «направления».

Деспотизм во имя группы и направления, как мы успели в этом убедиться уже и в годы перестройки, — особый вид деспотизма. Вроде бы человек преследует благие цели — желает привить групповое видение искусства, определенную манеру, а получается воспитание по шаблону.

В искусстве принцип «делай, как я» не прививается. Поэтому, наверное, самобытному композитору Балакиреву, тонко чувствовавшему русскую песенную стихию, не везло в педагогике. Он был угадывателем талантов. Но, видимо, не всегда понимал уникальность каждого отдельного своего ученика и всех стриг одним номером.

После распада балакиревского кружка участились разногласия и с Римским-Корсаковым. Глазунова тяготили даже намеки на какую-то «направленческую» ограниченность.

Чайковский, по-видимому, оказал одно из самых сильных педагогических воздействий на созревание таланта Глазунова. Стоит только вчитаться в письмо Петра Ильича, которое он послал в ответ на просьбу молодого композитора дать совет относительно своего дальнейшего развития.

«Вы у меня во многих отношениях загадка. У вас есть гениальность, но что-то мешает вам развернуться вширь и вглубь... Прежде чем я решусь вам высказать что-нибудь определенное, нужно будет подумать. А что если вы идете именно так, как следует, и я не понимаю вас только?»

Замечательное это письмо не освоено еще педагогией и психологией творчества. Тем же науками, которым чужда всякая ломка «объекта педагогического воздействия», подгонка его под определенный эталон и групповые пристрастия. Только настроенность на внутренний мир ученика, шлифовка и огранка его неповторимого дара — вот, что исповедовал Александр Константинович Глазунов, когда был профессором и директором Петербургской консерватории.

Это видно из его отзывов на студентов, свидетельствующих о сугубо индивидуальном подходе к каждому из них. Тем, у кого слабые проблески таланта, он и оценку зависит. А такому, скажем, как Михаил Гнесин, запишет: «Успехи незначительные, принимая во внимание хорошие музыкальные способности». А вот глазуновская характеристика Димы Шостаковича: «Отличный музыкант, несмотря на юный возраст».

В первые послереволюционные годы директор Петроградской консерватории яростно протестует против подбора учащихся только «с точки зрения наивозможной пролетаризации школы». В письме уполномоченному Наркомпроса В. Невскому Глазунов пишет:

«Талант к музыке, и только талант всегда служил для консерватории единственным основным началом и в самом подборе учащихся, и в постановке их музыкального образования...»

Своему принципу — талант всему голова — Александр Константинович Глазунов не изменял никогда. Потому, наверное, и окончил свою жизнь на чужбине.